

- [Кристина Стайл](#)
 - [Глава первая](#)
 - [Глава вторая](#)
 - [Глава третья](#)
 - [Глава четвертая](#)
-

**Кристина Стайл
Конан Непобедимый
(Конан)**

Глава первая

Темный лес, нависший над узенькой речушкой, казалось, явился из ночного кошмара. Толстые стволы, не менее трех обхватов каждый, густо поросли грязно-серыми лохматыми лишайниками. Высокие кусты с колючими ветвями стояли такой плотной стеной, что, укройся за ними хоть целая армия, даже самые зоркие глаза не увидели бы ее. Но самой пугающей была гробовая тишина, которая зависла над этим лесом. Лишь изредка дул порывистый ветер, и тогда тяжелые ветви начинали медленно шевелиться, словно руки великаны, пробуждавшегося от долгого сна.

Стройный, даже изящный, юноша осторожно скользил в густой траве, затравленно озираясь по сторонам и судорожно сжимая побелевшими от напряжения пальцами рукоять тонкого зингарского меча. В его бархатно-карих глазах застыл ужас, а тонкие губы были искусаны до крови, но он упорно шел вперед, хотя видно было, что каждый шаг дается ему с трудом. Неумело замотанные раны на плече и бедре красноречиво свидетельствовали, что кошмарный лес обитаем и населяют его отнюдь не безобидные существа.

Неожиданно юноша вздрогнул и замер с поднятой ногой, не решаясь сделать следующий шаг. Самые дурные предчувствия не обманули его. Высокая трава зашевелилась, и оттуда показалась плоская голова рептилии, на блекло-желтой морде которой горел один-единственный темнокрасный глаз. Тварь пристально взглянула на юношу и плотоядно облизнулась, но броситься на жертву не успела.

С быстротой молнии юноша шагнул вперед, тонкий клинок, едва слышно свистнув в неподвижном воздухе, опустился на бородавчатую шею, и, разбрызгивая во все стороны зеленую кровь, голова рептилии упала в траву. Красный глаз, полыхнув демоническим пламенем, потух, словно кто-то задул последний уголек в костре.

Юноша победно вскинул руки над головой и, набрав полную грудь воздуха, пронзительно закричал:

— Я еще жив! Слышишь, Гекмон, я жив!

И тут же, словно в ответ на его вопль, послышался жуткий треск. Колючие кусты, стоявшие вдоль реки, зашевелились, и, раздвигая переплетенные ветви, навстречу юноше вышло такое чудовище, что несчастный выронил оружие. Как зачарованный смотрел он на своего нового врага, понимая, что из этой схватки не сможет выйти победителем.

Монстр был на две головы выше самого рослого мужчины, каких когда-либо приходилось видеть юноше. Массивное, почти квадратное тулowiще покоилось на двух коротких ногах с огромными ступнями и имело три пары рук: две располагались по бокам, одна под другой, а третья росла прямо из груди, покрытой короткой темно-рыжей шерстью. Маленькая голова, напоминавшая кабанью, была вытянута вперед. В больших желтых глазах светилась злоба. Ослепительно белые клыки, загибавшиеся круто вверх, едва не касались широких ноздрей, которые, нервно подергиваясь, жадно ловили доносившийся до них запах человека.

Постояв несколько мгновений на месте, чудовище тяжело повернулось и,казалось, только сейчас заметило юношу. Янтарные глаза вспыхнули радостью, а тонкие губы растянулись в хищной улыбке, обнажив два ряда широких плоских зубов. Бледно-розовый язык вывалился из пасти, и по нему тонкой струйкой потекла густая слюна. Судорожно сглотнув, чудище потянулось к окаменевшей от ужаса жертве и, схватив ее одной из боковых

рук, легко оторвало от земли. Повертел юношу перед глазами, словно обдумывая, что с ним делать, тварь издала угробный рык и с хрустом раскусила череп несчастного...

— Недурно, недурно!..

Моложавый мужчина лет сорока — сорока пяти с наслаждением потянулся и, нагнувшись к изящному столику на резных ножках, аккуратно закрыл крышку стоявшей на нем игры, предварительно убрав с игрового поля кубики и фигурки из пожелтевшей от времени слоновой кости. Затем он встал и, неслышно ступая по мягкому пушистому ковру, подошел к огромному зеркалу в простой оправе из черного дерева. На мгновение замерев перед своим отражением, мужчина задумался, потом несколько раз повернулся то правым, то левым боком, словно жеманная красавица, затем провел холеной рукой по черным как вороново крыло волосам без малейшего намека на седину и одарил себя ослепительной улыбкой.

— Чудесно выглядишь, Гекмон, — похвалил он самого себя. — Морщин на лбу как не бывало. Право, для трехсот лет совсем неплохо. Жаль только, что желающих сыграть в джидак становится все меньше. Найти бы настоящего игрока... — Он глубоко вздохнул. — Это, конечно, опасно, но и выигрыш может превзойти все ожидания.

Гекмон снова довольно улыбнулся и взглянул наверх. Под самым потолком, занимая его почти целиком, висело изображение антилийского бога Ксотли, великого демона Древней Ночи. Сотканное из паутины крошечных паучковхосни, оно представляло собой плотное черное облако. От него во все стороны отходили длинные гибкие щупальца, которыми Владыка Страха обнимал свои жертвы, чтобы высосать из них души. В середине зловещей громады сиял единственный глаз, сделанный из крупного рубина редчайшего темно-малинового цвета.

Гекмон не был жрецом древнего божества и никогда не служил ему. Его связывали с Ксотли гораздо более прочные узы. Когда-то давно жрецы мрачного бога призвали из пучин Хаоса Красные Тени, чтобы порождения мрака, летая по всему миру, собирали души для своего владыки. Тени вызывали у людей такой ужас, что несчастные прятались или предпочитали умереть, чтобы не попасться в лапы демонов. Серые Равнины казались им чуть ли не чертогами Митры по сравнению с ненасытной угробой Ксотли.

Но антилийскому божеству требовались живые души, и потому жрецы, испросив у Ксотли помощи, наделили Красные Тени способностью принимать человеческий облик и тем самым дали им возможность завлекать жертвы в ловушку. С тех пор Алтарь Вечной Ночи никогда не пустовал.

И вот чуть более трехсот лет назад одна из Теней, блуждая по Аквилонии в облике худощавого смуглого юноши с добрыми слегка раскосыми глазами, повстречала девушку необычайной красоты. То ли Тень пробыла в образе человека слишком долго, то ли на самом деле красота обладает почти божественной силой, но юноша понял, что не может лишить эту девушку души. Он похитил ее и привез в Антилию. Однако, стоило ему ступить на землю, где властвовал Ксотли, человеческая оболочка растаяла и к Тени вернулось ее истинное обличье. Девушку же жрецы привезли в Птуакан и привязали к Алтарю Вечной Ночи.

Обычно жертвам вырывали сердца, но ни у одного из жрецов на сей раз не поднялась рука на удивительную красавицу. Полными ужаса глазами смотрела она, как на Алтарь опускается огромное черное облако, и молила Митру даровать ей смерть. Однако Солнцеликий не внял ее молитвам. К своему величайшему изумлению, красавица почувствовала, как страх покидает ее, а ей на смену приходит величайшее наслаждение.

Затем в ее мозгу прозвучал холодный голос:

«Я дарю тебе жизнь. Тебе, избранной, суждено выносить в своем чреве и произвести на свет моего сына».

Мгла рассеялась, и девушка увидела, как к Алтарю, то и дело отвешивая поклоны до самой земли, спешат жрецы. С этого дня ее жизнь резко изменилась. С ней обращались как с богиней, а ее сын, которого нарекли Гекмоном, едва раздался его первый крик, был провозглашен повелителем Антилии. Однако Ксотли, явившись во сне и своей возлюбленной, и жрецам, повелел:

— Я не хочу, чтобы мой сын служил мне и тем самым уравнялся с простыми смертными. Он и его мать должны покинуть Антилию. Когда придет время, я призову его.

Мальчик быстро рос, и вскоре его мать заметила удивительную особенность ребенка: он взбадривался и наливался силой, когда кто-то, находясь рядом с ним, искренне горевал или радовался, пугался или изумлялся и вообще испытывал какие бы то ни было сильные чувства. Казалось, мальчик подпитывается человеческими эмоциями, а те, чьи чувства он поглощал, наоборот, слабели на глазах. Ей бы встревожиться и обратиться к кому-нибудь за помощью, но она предпочла покинуть родной город.

Поселившись с сыном в Танасуле, она убедилась, что Ксотли одарил Гекмона этой способностью не напрасно: достигнув зрелого возраста, ее отпрыск перестал стареть. И лишь дни, проведенные в одиночестве, приносили ему морщины и недуги.

Шли годы. Мать с сыном часто переезжали с места на место, опасаясь, что тайна их будет раскрыта, пока наконец не поселились на северо-западе Аквилонии, в Тауранде. Крупное наследство, полученное матерью Гекмона от давно умерших родителей, почти целиком ушло на постройку небольшого, но надежно защищенного замка в глухих лесах, куда почти не заглядывали местные жители.

Бесконечные переезды и постоянная тревога за сына отняли у некогда прекрасной женщины последние силы, и вскоре она отправилась на встречу со своими предками. Слуги, которых удалось нанять в разное время и в разных местах, ненадолго пережили ее, ибо Гекмон высосал из них все силы. Оставшись в одиночестве, он запаниковал и однажды, взглянув на себя в зеркало, ужаснулся: глубокие морщины избороздили его холеное лицо, а в роскошных шелковистых волосах обильно проступила седина. Тогда Гекмон, сжав кулаки, воскликнул в отчаянии:

— О, великий отец мой, всемогущий Ксотли! Для чего ты позволил мне появиться на свет? Или ты забыл о своем сыне?!

Не ожидая ответа, он закрыл лицо руками, а когда бессильно опустил их, перед ним стоял незнакомец. Это был мужчина среднего роста, худощавый, со слегка раскосыми темными глазами. Под мышкой он держал большую деревянную ларец.

— Кто ты? — в ужасе отпрянул от него Гекмон. — И как ты попал сюда?

— Меня послал твой отец, — спокойно ответил незнакомец. — Напрасно ты думаешь, что великий "демон Древней Ночи" не заботится о своих детях. Все вы — часть его, и рано или поздно, но вернетесь в его объятия, сольетесь с ним, станете частью его плоти и души. Но твой черед еще не пришел. Поэтому он велел нам, его слугам, оберегать тебя и послал тебе подарок.

С этими словами он протянул Гекмону шкатулку. Тот осторожно взял в руки неожиданный подарок и, не открывая его, спросил:

— Что это?

— Джидак, — пояснил незнакомец. — Древняя игра.

— Зачем мне игра? — изумился Гекмон.

— Это не простая игра, — улыбнулся незнакомец. — Твоим противником может стать только воин. В зависимости от того, как лягут кости, ему выпадет то или иное приключение, а ты, наблюдая за ним со стороны, получишь все чувства, которые он будет испытывать. И чем сильнее они окажутся, тем больше сил сможешь ты впитать.

— А когда игра закончится, что будет?

— Эта игра вряд ли когда-нибудь закончится. У Ксотли было пять сыновей, ты шестой. И каждому он дарил джидак. Если сын проигрывал, он переставал существовать сам по себе и становился частью своего великого отца, принося ему свежие силы. Но демон Вечной Ночи существует уже много тысячелетий, так что можешь представить, как часто его детям попадался достойный противник. И это было в те времена, когда земля часто рождала великих воинов. Теперь же люди измельчали, изнежились. Я не думаю, что тебе скоро суждена встреча с отцом.

— Хорошо, — обрадовался Гекмон. — Но только где я буду искать игроков?

— Это уже не твоя забота, — успокоил его незнакомец.

И Красные Тени, посланцы Ксотли, стали прислуживать Гекмону. Чтобы помочь ему поддерживать силы, они доставляли в замок своего нового господина девушек со всего света, и Гекмон с наслаждением, медленно, растягивая каждый миг, поглощал их страх, боль и отчаяние. Вслед за пленницами стали появляться и воины, которым Тени подсказывали, где искать несчастных. Всем прибывавшим в его замок Гекмон ставил одно и то же условие, предлагая сыграть партию в джидак и обещая вернуть прелестницу в случае выигрыша. Ни один из смельчаков не отказался от игры, и ни один не покинул замок, ибо все они погибли, не выдержав испытаний, которые выпали на их долю.

Вот и сейчас очередной самонадеянный юнец сложил голову, пытаясь вернуть домой свою сестру, попавшую в страшный замок совсем недавно. Вспомнив о новой пленнице, Гекмон плотоядно улыбнулся. Прекрасная зингарка понравилась ему с первого взгляда. Он даже похвалил ту Тень, которая притащила девушку, что делал крайне редко. Юная красавица была гордой, своенравной, отчаянно смелой. Она так сильно возненавидела Гекмона, что он едва ли не полюбил ее за это, ибо в волнах ее ненависти молодел буквально на глазах.

«Сегодня я сыт, — умиротворенно подумал вампир, — а завтра, моя чудесная Сонатра, обязательно навешу тебя. Ах, какое это наслаждение — смотреть в эти черные глаза, в которых бушует неугасимое пламя!»

Гекмон быстрым шагом бодрого и полного сил человека направился в комнату, где обычно беседовал с Тенями, которые преданно служили ему уже много лет. Поудобнее устроившись в широком кресле на низких изогнутых ножках, он взял двумя холеными пальцами маленький колокольчик, сплетенный из тончайших золотых нитей, и позвонил. Мгновенно, словно возникнув из воздуха, перед хозяином появилась Тень. Собственно, порождения Хаоса могли принимать любой облик, создавать любые формы, но Гекмон предпочитал, чтобы его слуги походили на существа реального мира, и сердился, если Тени не исполняли его прихоти. Однако он не настаивал на том, чтобы они придерживались одной и той же личины, и то, с какой ловкостью слуги менялись прямо у него на глазах, порой даже забавляло вампира, особенно если он пребывал в хорошем настроении.

Сейчас перед Гекмоном сидел роскошный лохматый пес огромных размеров (чуть более двух локтей в холке), покрытый ослепительно красной шерстью. Его большие глаза цвета

догорающих углей с обожанием взирали на господина, а пушистый хвост радостно подрагивал, готовый в любой миг весело завилять, как это обычно делали сторожевые собаки, свободно бегавшие по внутреннему двору замка, когда хотели поприветствовать хозяина.

Отпрыск Ксотли пристально посмотрел на роскошное животное, хотел было сказать, что собаки таких мастей существуют разве что в горячечном бреду, но почему-то передумал, а лишь улыбнулся и спросил:

— Кто из вас доставил сюда эту великолепную зингарку?

— Я, мой господин, — не то проговорил, не то пролаял пес. — Ты даже похвалил меня за это.

— Если в следующий раз тебе вздумается изобразить осла, я тем более не узнаю тебя.

Ярко-красная собака тяжело вздохнула, словно самый настоящий человек, поднялась на задние лапы, резко встряхнулась, как будто только что вышла из воды, и через мгновение перед Гекмоном уже стоял юноша приятной наружности со слегка раскосыми глазами и коротко подстриженными волосами цвета старой ржавчины.

— Как тебе будет угодно, господин, — слегка наклонив голову, сказал юноша приятным бархатным голосом.

— Мне было и будет угодно, — строго ответил Гекмон, — чтобы все вы представляли передо мной в человеческом обличье, чтобы я знал, с кем говорю. А потом меняйтесь сколько угодно. Но сначала... Не зря же я дал вам имена. Еще не забыл? Ты — Арк.

— Я Арк, — послушно повторила Тень и, тряхнув головой, обернулась огненно-рыжим котом, который тут же потерся о ноги хозяина.

Вампир расхохотался и потрепал красивого зверька изящной рукой по пушистой голове.

— Тебе повезло, — все еще улыбаясь, сказал он. — У меня сегодня отличное настроение. Ты угодил мне, Арк. Сонатра — великолепна. Ты помнишь, я велел узнать, кто она такая?

— Конечно, помню, — ответил Арк, обвиваясь вокруг сапог Гекмона золотистой змейкой. — Твое приказание исполнено. Сонатра — дочь советника короля Зингары. Единственная дочь. У него еще было два сына, но один умер еще в младенчестве, а второго ты любезно пригласил сыграть в джидак. Так что, кроме Сонатры, у него больше никого нет.

— Значит, должны отыскаться еще желающие спасти прелестницу? — оживился Гекмон. — Ее папаша, наверное, уже поднял на ноги полстраны?

— Нисколько не сомневаюсь, господин, — закивал Арк, снова принявший человеческий облик.

— Тогда почему ты все еще здесь? — притворно изумился Гекмон. — Ты должен быть в Зингаре. Направляй смельчаков по одному. Я не прихотлив. Мне не нужны сразу все.

— Будет исполнено, — донеслось откуда-то из-под потолка, и веселая красная птичка выпорхнула из комнаты.

Глава вторая

Заснул, что ли? Бросай! Юноша, к которому были обращены эти слова, сверкнув ярко-синими глазами, недобро посмотрел на нетерпеливого противника и разжал огромный кулак. Игровые кости с гулким стуком мягко упали на стол, покрытый тканью с нанесенным на ней игровым полем. Оно представляло собой круг, разделенный на три части, зеленую, синюю и желтую, с маленьким красным кольцом в середине. Главный выигрыш получал тот, кто кидал кости в центр кольца, но таких счастливчиков среди игроков почти никогда не попадалось. Неплохим результатом считалось также, если все три костяных кубика падали четко в одну из частей круга, особенно когда это был цвет, который игрок заказывал заранее. Но горе тому, чьи кубики ложились в разные цвета! Это означало не просто проигрыш, а крах, полный провал, ибо тот, кому не повезло, был вынужден уплатить двойную ставку, да еще и пропустить ход.

Пожелевшие от времени игровые кости запрыгали по столу, и несколько пар глаз впились в них, а несколько луженых глоток мгновенно заткнулись: за обвинением в том, что кто-то подул на кости, тут же следовало наказание — увесистая оплеуха, которая могла лишить последних зубов. Два кубика столкнулись и, словно поссорившись, разбежались в разные стороны, а затем аккуратно легли — один на зеленый, второй на синий.

Скрипя зубами, молодой черноволосый варвар напряженно следил за третьей костью — своей последней надеждой. Она, будто услышав его немые молитвы, задержалась на мгновение в синем сегменте, постояла там на ребре, а затем, словно передумав, медленно упала, на две трети своей грани очутившись в желтой части круга.

Юноша и его противник, как по команде, вскочили со своих мест.

— Желтый! Синий! — прозвучало одновременно, и оба игрока вцепились в куртки друг друга, готовые вот-вот начать драку.

— Конан! Треро! — остановил их высокий седой старик, наблюдавший за игрой. — Вы оба не правы. Не синий и не желтый. Такое уже случалось, и мы договорились, что это будет означать проигрыш, но ставка не удваивается. Ход тоже пропускать не надо. Успокойтесь оба и продолжайте игру.

Спорить со стариком никто не стал, ибо в Клоаке, городе воров, бродяг, нищих, убийц и шлюх, расположенному в подземельях зингарской столицы Кордавы, с уважением относились к тем, кто доказал свое право на это. А старик, в прошлом блестательный мошенник, о котором в Зингаре слагали легенды, свое право на уважение давно и неоднократно доказал.

Игра продолжилась, но длилась недолго. Видимо, боги отвернулись в тот день от Конана, ибо вскоре он продул все до последнего медяка.

— Я не прощаюсь с тобой, Треро, — злобно буркнул он, поднимаясь из-за стола. — Я не привык ходить с пустыми карманами и скоро вернусь, чтобы отыграться. Тогда удача будет на моей стороне.

— Можешь не торопиться, — едва слышно пробормотал Треро, сгребая выигрыш и распихивая его по карманам.

Молодой варвар слегка покривил душой, сказав, что его карманы редко бывают пустыми, но прирожденная гордость ни за что не позволила бы ему признаться, что он не богаче боязка. Конан покинул свою родную Киммерию совсем недавно — около трех лет назад — и уже успел побывать и рабом-гладиатором, и вором. Рожденный свободным, юноша

недолго терпел неволю и, когда бежал, домой решил не возвращаться.

Испытав немало приключений, сыпавшихся на него, как снег на далекий Нордхейм (будто боги забавлялись, наблюдая, сумеет ли он в очередной раз вывернуться), он добрался до воровской столицы — заморанского города Шадизара.

Здесь он, как и желал больше всего на свете, обучился искусству чистить карманы и тайники, причем так быстро и ловко, что вскоре превзошел своих учителей и обрел славу самого удачливого вора.

Слава-то и сыграла с ним злую шутку. Не будь юный киммериец столь заметен, не имей он столь скandalно известного имени, может, и удалось бы ему затаиться, переждать, не покидая Пустыньки, когда за ним перестанут охотиться. Но огромный рост, мощная бугристая мускулатура, вечно нечесанная грива черных густых и длинных волос, ярко-синие глаза, громовой голос и привычка мгновенно ввязываться в драку по любому поводу...

Может ли человек, обладающий такими приметами, остаться незамеченным?

Пришлось Конану бежать, прихватив с собой, правда, и добычу, из-за которой он был вынужден покинуть столь полюбившийся ему развеселый Шадизар.

Теперь он в совершенстве владел двумя ремеслами и мог добывать себе хлеб либо мечом, либо ловким воровством. Прослышиав, что правитель Зингары неплохо платит наемникам, юный варвар решил податься на юг, в Кордаву.

О, Митра великий! Кто же в юности не строил планов и кто же не изменял их на противоположные?

Добравшись до зингарской столицы, Конан почему-то не стал спешить наниматься на службу. Его гораздо больше привлекла Клоака, так похожая на Шадизарскую Пустыньку, словно два этих обиталища воров, шлюх и нищих вовсе и не разделяло полмира. Правда, Пустынька была просто частью Шадизара, его окраинным районом, а Клоака возникла под Кордавой — там, где когда-то жили богатые люди, жили до тех пор, пока время и море не уничтожили роскошные кварталы. Новый город вырос над ними, а подземелье обрело своих обитателей.

Конечно, ни один добропорядочный гражданин ни за что и носа бы не показал в Клоаке, но тот, кто любил хорошую выпивку, доступных и веселых девиц, азартные игры, да еще и умел постоять за себя, находил это mestечко весьма и весьма привлекательным.

Понравилось тут и Конану. Одна лишь неприятность случилась с ним — деньги, которые он так лихо унес из Шадизара, кончились слишком быстро, а то, что осталось, в одночасье перекочевало в карманы Треро, мерзавца, которому просто улыбнулась удача.

«И что теперь делать? — лихорадочно думал молодой варвар. — Пойти наниматься в зингарскую армию? Ага! А этот Сетов выкорьмыщ, шакал недоделанный, пока я парюсь в казарме, будет пропивать мои денежки? Как бы не так! Сначала надо отыграться, а уж потом посмотрим. Да и велики ли деньги наемника? Вор может получить за день больше, чем солдат за год. Нет уж, я еще погуляю...»

Легко сказать — отыграться, гораздо труднее сделать. Для этого надо еще сначала найти ротозея, да еще и с кошельком потолще. Конану ничего больше не оставалось, как покинуть Клоаку и подняться на поверхность, в город. Ни один уважающий себя вор не будет красть у своих, а обитатели подземного квартала — почти родня друг другу.

Киммериец быстро прошел по нескольким кривым и темным улочкам, безлюдным и тихим, как всегда это бывает тут по утрам, ибо жизнь в Клоаке начинает кипеть ближе к ночи, когда ее обитатели возвращаются домой с добычей и могут себе позволить

расслабиться, выпить, набить утробу, развлечься.

Выходя наверх, Конан на мгновение зажмурился от яркого солнца, ударившего по глазам: день начинался жаркий, ни одно облачко не омрачало бескрайней синевы, раскинувшейся над головой.

Стоило ему открыть глаза, как варвар увидел веснушчатого мальчишку-подростка с ослепительно рыжими, почти красными взъерошенными волосами, которых никогда не касался гребень.

— Что встал, как столб? — окрысился маленький наглец и вызывающе посмотрел на Конана удивительно неприятными глазами, которые напоминали созревшие нарды. Они были желто-зелеными с красными прожилками и крошечными темно-коричневыми зрачками.

— Что? — слегка опешил киммериец. — Это ты мне? — Он поднял мальчишку за шиворот и, легко, словно пушинку, оторвав от земли, поднес к глазам. — Повтори...

— И повторю, — продолжал хорохориться рыжий. — Если тебе, дураку, не нужны деньги, ты и есть столб деревянный.

— Деньги? — оживился Конан. — Это ты, что ли, мне деньги предлагаешь? — Он тряхнул рыжего, поставил его на землю и расхохотался.

— Совсем глупый, — притворно вздохнул паренек. — Откуда у меня деньги? А вот зингарский правитель обещает кругленькую сумму тому, кто разыщет дочь его советника. — Впрочем, — пожал он узенькими плечиками, — если тебя это не интересует...

— Погоди! — Варвар снова схватил мальчишку за ворот. — Еще как интересует.

— Тогда чего ты стоишь? — удивился маленький нахал. — Пошли скорее на площадь, там с раннего утра читают королевский указ.

— А ты-то мне на кой сдался?

— Пойдем, пойдем быстрее, — потянул его за руку рыжий. — Я кое-что знаю и могу тебе пригодиться. Но не даром, конечно, — хитро сощурился он.

Но Конан его уже не слышал. Он почти бежал к площади, откуда и правда раздавались какие-то выкрики и где собралась немалая толпа. В конце концов, если указ его и не заинтересует, то уж среди такой уймы народа обязательно найдется пара-тройка толстосумов, которым явно мешают их тугие кошельки.

Рыжий негодяй не солгал. На широкой площади, самой главной в Кордаве, был сооружен высокий помост. Посредине помоста стоял королевский глашатай со свитком в руках и орал так, что Конан даже удивился, почему ничего не слышно в Клоаке.

— ...А также всячески поощрить храбреца и даровать ему дворянство.

С этими словами глашатай свернул свиток и сошел с помоста.

— Кром! — зло сплюнул киммериец. — Опоздал. Но он напрасно огорчался. У лесенки, ведущей на помост, стояли несколько мужчин в одеждах королевских глашатаев, и один из них, взяв свиток, поднялся наверх, снова развернул его и начал читать, вопя ничуть не хуже своего предшественника. Варвар обратился в слух.

— Слушайте, жители Кордавы! Слушайте, гости столицы! Слушайте все! Слушайте и внимайте! Внимайте и действуйте! Действуйте, и вас ожидает награда! — Глашатай набрал полную грудь воздуха и продолжил: — Его величество король Зингары опечален горем, постигшим его старейшего советника. Злые люди похитили Сонатру — единственную дочь любимого слуги короля, и укрывают ее в неведомом месте. Тому, кто возьмется освободить девушку, король обещает щедрую награду. Героя ждет тысяча золотых монет. Его Величество

намерен приблизить к себе этого человека, а также всячески поощрить храбреца и даровать ему дворянство.

Сменяя друг друга, глашатаи повторяли и повторяли королевский указ. По толпе то и дело пробегал шепоток, и неудивительно: тысяча золотых монет — это целое состояние. Если умело распорядиться ими, можно безбедно прожить до глубокой старости. Но где искать несчастную? Ведь если бы похитители хотели получить выкуп, они давно известили бы об этом безутешного отца. Но от них не было ни слуху ни духу. Скорее всего, Сонатру увезли из страны, чтобы продать ее в гарем какого-нибудь восточного владыки или выставить на невольничьем рынке в Стигии. Девушка была молода и красива, а на такой товар спрос не падает.

— Тысяча монет! — тихонько присвистнул Конан и оглянулся в поисках мальчишки, который позвал его сюда. — Что там говорил этот желтоглазый?

Но рыжего как ветром сдуло. Лишь маленькая облезлая собачонка с красноватой ключкастой шерстью вертелась у ног киммерийца. Он злобно пнул ее носком сапога, шавка вззизгнула, посмотрела на Конана желтыми, похожими на гнойники, глазами и затерялась в толпе. Варвар, злобно выругавшись, начал пробираться к выходу с площади, распихивая попадавшихся по дороге людей. Ему вдруг стало как-то неспокойно, словно где-то рядом находился колдун, которых он терпеть не мог. Он даже на какое-то время забыл о ротозеях с их кошельками, и не попадись ему на пути толстый купец с тяжелым кожаным кошельм, который этот идиот подвесил к поясу на тоненький ремешок, варвар и не вспомнил бы, как сильно нуждается в деньгах. А тут словно сам Бел, покровитель всех воров в мире, подтолкнул киммерийца под руку. Что ж, только болван не пользуется тем, что плохо лежит. Не задерживаясь ни на миг, Конан ловким движением сдернул кошель, даже не задумываясь, что делает, и был таков.

Только выбравшись с площади, он сообразил, что держит что-то в руках. О боги! Какая темная сила заморочила ему голову настолько, что он и не понял, как вдруг разбогател.

Отлично! Теперь можно возвращаться в Клоаку и наказать поганца Треро. Только сначала неплохо съесть чего-нибудь, да и выпить тоже не мешает. Оглядевшись по сторонам, Конан решительно направился к ближайшей таверне, над входом в которую красовалась вывеска «Гордость Кордавы».

«Гордость Кордавы» оказалась самой заурядной таверной. Единственное ее отличие от сотен подобных заведений заключалось в том, что здесь было относительно чисто. Вот повар тут и правда оказался отменным, и киммериец, поглотив половину запасов хозяина таверны, потребовал вина, чтобы прополоскать приятно отяжелевшую утробу.

Не успел он выпить и половины, как возле его стола словно из воздуха возник рыжий мальчишка, так неожиданно исчезнувший с площади. Потирая бок, как будто кто-то уже успел поддать ему как следует, парень уселся напротив Конана и подобострастно улыбнулся:

— Не угостишь меня хотя бы кусочком хлеба?

— С какой это стати я должен кормить кого попало? — удивленно поднял брови киммериец.

— Я не кто попало, — искренне обиделся мальчишка. — Это я рассказал тебе о королевском указе. Тебе что, не нужна тысяча монет? Ты так богат?

— Насколько я помню, — усмехнулся варвар, — на площади не раздавали денег.

— Зато предлагали их заработать.

— Ага... Будь ты поумнее, понял бы, что эту девку давно увезли из Зингары. Какой

идиот станет прятать ее у себя, не требуя выкупа?

— Еще как станет, — нисколько не обиделся рыжий.

— Ты что-нибудь об этом знаешь? — насторожился Конан, врожденное чутье которого подсказывало: мальчишка не врет.

— Знаю. Видел.

— Ну... — Киммериец привстал со скамьи и потянулся к многострадальному воротнику паренька.

— Не торопись, — нахально остановил его рыжий. — Я жрать хочу. Какие разговоры на пустой желудок?

— Хозяин! — рявкнул Конан. — Принеси чего-нибудь для этого щенка!

Когда парень насытился, он, поковырявшись в зубах и довольно рыгнув, наклонился через стол к варвару и горячо зашептал:

— Я видел, как ее увозили из города. И проследил. Знаю, где ее прячут. Могу показать.

— Погоди, — недоверчиво посмотрел на него Конан. — А чего это ты вдруг выдаешь мне сведения, которые стоят тысячу монет?

— Так ведь не даром же, — хмыкнул рыжий. — Сам посуди, разве я могу вернуть эту девку домой? А тебе это по плечу. Ты вон какой здоровый. Я покажу, где ее прячут, а ты дашь мне сто монет. Даешь ведь?

Конан задумался. Конечно, тысяча золотых монет лучше, чем девятьсот, но, с другой стороны, если рыжий не врет, его помощь окажется неоценимой. А он, судя по всему, не врет. Да и смысла нет ему врать. Пожалуй, это дело верное. Ведь девятьсот-то монет гораздо лучше, чем ни одной.

— Ладно, — согласился наконец варвар. — Веди. Но если ты обманул меня...

— А зачем? — равнодушно пожал плечами мальчишка.

— Тогда пошли, — сказал Конан и направился к выходу из таверны.

Рыжий посеменил за ним.

Миновало уже несколько дней с тех пор, как Конан покинул Кордаву. Его спутник, до неприличия рыжий мальчишка, который назывался Аркадом, оказался не только забавным и общительным, но и весьма полезным. Он безошибочно находил нужные тропы, отыскивал прекрасные, словно специально созданные места для отдыха, умел разводить костры, добывая огонь будто из воздуха, приманивал дичь, виртуозно подражал крикам зверей и птиц. Когда же сытый, довольный и расслабленный Конан растягивался на теплой земле, пока его еще не сморил сон, паренек рассказывал всевозможные байки, показывал забавные фокусы, пел.

Рассказчиком он оказался бесподобным. Слушая его и глядя на веселую некрасивую физиономию, киммериец время от времени ловил себя на том, что видит прямо перед собой тех, о ком говорил Аркад. Мимика мальчика была столь богатой, а жесты выразительными, голос непостижимым образом менялся, становясь то низким басом, то звонким дискантом, то вдруг переходил в сдавленный хрип, то звучал как нежный голосок прелестной девушки, что однажды Конан поинтересовался:

— Слушай, парень, а почему бы тебе не податься в лицедеи? Ты мог бы играть перед самим королем. Зачем тебе эта бродячая жизнь?

— А тебе? — хитро сощурился Аркад.

— Ну... — Варвар даже слегка растерялся. — Я такой. Бродяга. Игрок. Воин. Вор.

— И я бродяга, — усмехнулся рыжий и замолк, явно не желая продолжать разговор.

— Ладно, твое дело, — согласился киммериец, который всегда считал, что каждый волен сам выбирать свой путь. — Я вот что хотел спросить. Сколько еще идти-то?

— А тебе так хочется поскорее подраться? — с интересом взглянул на него Аркад.

— Мне хочется поскорее получить золото.

— Потерпи чуть-чуть. Уже почти пришли. Завтра лес кончится, и мы выйдем к замку Гекмона. Он-то и держит у себя твою девицу.

— Мою? — Варвар расхохотался. — Да по мне хоть девица, хоть древняя старуха, хоть хромая собачонка — лишь бы деньги за нее платили. А ты откуда знаешь о Гекмоне? И вообще, кто это такой? Чего ему с людьми не живется? Колдун, что ли? — Конан нахмурился.

— Боишься колдунов? — Мальчишка улыбнулся, показывая мелкие острые зубки.

— Я никого не боюсь, — гордо выпрямился варвар. — Не люблю — это да. Вечно они какие-нибудь пакости творят. А мне по душе честный бой.

— Тогда спи, — вдруг посерезнел Аркад. — Драк тебе хватит. Как бы без башки не остался.

— За мою голову не беспокойся. Мне на Серых Равнинах пока делать нечего.

Ночь прошла спокойно, а на следующий день, как и обещал Аркад, лес начал редеть, и вскоре перед путниками открылась большая поляна, на которой возвышался серый мрачный замок, окруженный каменной стеной, гладкой и ровной, словно кто-то тщательно отполировал плиты, из которых она была сложена. Лесная тропинка упиралась прямо в тяжелые железные ворота, к створкам которых были приделаны толстые бронзовые кольца, позеленевшие от времени. Над одним из колец виднелось крошечное окошко, забранное частой решеткой.

— Вот и пришли, — сказал Аркад. — Постучишь, скажешь, зачем пришел. Тебя проведут к хозяину. С ним и будешь договариваться.

— Договариваться? — чуть не подпрыгнул от изумления Конан. — Ты меня что, на рынок привел?

— Нет, конечно, — отвел глаза мальчишка. — Но сам Гекмон то с тобой биться не станет. У него другие интересы. В общем, не мое это дело. Я обещал показать тебе, где прячут девку, и показал. А дальше как хочешь.

— А ты? Ты разве со мной не пойдешь?

— С тобой? Нет. Ступай. Позже увидимся.

Конан бросил взгляд на ворота, а когда мгновение спустя обернулся, Аркад исчез, словно растворился в воздухе. Киммериец пожал плечами, но тут же перестал думать о своем странном спутнике и решительно зашагал к замку.

После первого же удара пластина, закрывавшая окошко изнутри, приподнялась, и варвар увидел уставившийся на него мутный желтый глаз.

— Кто такой? — хриплым голосом осведомился стражник.

— Конан. Пришел поговорить с твоим хозяином. Гекмоном, кажется?

Окошко закрылось, и сразу же одна из створок распахнулась с противным скрипом. «Вот это да! — удивился варвар. — Заходи — не хочу. Что-то тут не так. Ну да ладно. Меня голыми руками не возьмешь». У ворот стоял здоровенный детина, такой же ослепительно рыжий, как и недавний спутник Конана.

— Заходи. Гекмон всегда рад гостям. — Стражник смерил киммерийца оценивающим взглядом. — Особенно таким, как ты.

Внутренний двор замка оказался маленьким. Не успел Конан сделать несколько шагов по растрескавшимся от времени каменным плитам, как прямо перед ним возник сухонький старичок в ватном халате и, улыбнувшись тонкими бесцветными губами, пригласил варвара следовать за собой.

— Хозяин ждет, — прошамкал слуга.

Они вошли внутрь, миновали несколько извилистых коридоров и вскоре остановились перед дверью, отделанной серебром и самоцветами.

— Здесь, — сказал старичок и постучал. — Хозяин, гость прибыл.

— Зови, — отозвался приятный бархатный голос.

Слуга толкнул дверь, и Конан шагнул в комнату, похожую на кабинет ученого. Вдоль стен тянулись длинные полки, заставленные книгами в богатых переплетах, посредине стоял стол, на котором лежали свитки, листы тонкого пергамента и остро отточенные перья. За столом в кресле с высокой спинкой, обтянутом черной кожей, сидел черноволосый мужчина лет сорока, прекрасный цвет лица которого красноречиво говорил о том, что гостеприимный хозяин замка полон сил и здоровья. Когда киммериец появился на пороге, мужчина встал и вышел из-за стола, приветствуя гостя.

— Рад видеть тебя, — улыбнулся Гекмон. — Меня редко посещают гости в этой глупши. Орд, принеси вина и мяса. — Слуга поспешил покинуть комнату, а хозяин продолжил: — Проходи, устраивайся. — Он показал на широкий низкий диван, стоявший рядом со столом. — Перекусишь с дороги и, если захочешь, конечно, расскажешь, что привело тебя в такую даль.

В первое мгновение Конан слегка опешил. Аркад говорил, что в этом замке прячут дочь советника короля Зингары, и он готовился к ссоре, драке — к чему угодно, только не к любезному приему и приветливым улыбкам. Однако довольно скоро изумление прошло, и киммериец, который не любил долго размышлять, решил, что, раз уж предлагают поесть и выпить, отказываться от угощения никак нельзя, а поссориться и подраться он еще успеет.

Конан с нескрываемым удовольствием поглощал жареное мясо и печеную рыбу, тушеные овощи и свежие сочные фрукты, запивая все это превосходным терпким вином. При этом, однако, он не забывал бросать по сторонам быстрые внимательные взгляды. Его не покидали настороженность, ощущение тревоги и опасности. И хотя Гекмон был на редкость приветливым и гостеприимным хозяином, угощение — замечательным, а вино — выше всяких похвал, чутье варвара подсказывало: что-то тут не так.

Но киммериец не был бы киммерийцем, начни он вдруг размышлять и чрезмерно осторожничать. Привыкший не показывать спину врагу и не прятаться от опасности, он, насытившись, в упор посмотрел на Гекмона:

— Слушай, приятель, ты славно меня накормил, да и вино у тебя неплохое, но я к тебе не жрать пришел. Говорят, ты держишь у себя одну девушку...

— Не беспокойся, мой юный друг, — с ласковой улыбкой перебил его Гекмон. — Я понимаю, молодая кровь, горячее сердце. Тебе нужна женщина?

Конан с изумлением уставился на него и, ничего не понимая, кивнул.

— Сейчас будет, — засмеялся хозяин замка и хлопнул в ладоши.

Дверь мгновенно отворилась, и на пороге возник слуга.

— Орл, — повернулся к нему Гекмон, — приготовь комнату для гостя и пришли туда девушку. — Он посмотрел на варвара: — Ты кого предпочитаешь? Блондинок? Брюнеток? Рыжих? Пухленьких или худощавых?

— Все равно, — оторопело захлопал глазами Конан, но, опомнившись, вдруг заревел: — Ты что, издеваться надо мной вздумал?! Я не об этих девках говорю! Мне зингарка нужна, которую ты украл!

— А... — протянул Гекмон. — Так бы сразу и говорил. — Он махнул слуге: — Орд, не надо девушек. А комнату все же приготовь. Юноша немного погостит у нас.

— Да не собираюсь я у тебя гостить! — не унимался киммериец.

— А ты что думал, придешь, стукнешь кулаком по столу, я тебе пленицу-то и отдам? — сощурился Гекмон, — Зачем же я тогда ее воровал? Ради удовольствия поболтать с тобой?

— Давай драться! — решительно предложил Конан.

— Ага. Сейчас. Больше мне делать нечего. Драться! Тоже придумал...

— А что тогда? — опешил варвар.

— Сыграй со мной.

— Сыграть? — заулыбался Конан. — Это пожалуйста. Кости-то у тебя есть? Только чтоб без обмана.

— Кости? Зачем? Я хочу предложить тебе гораздо более интересную игру. Победишь — девушка твоя. Проиграешь... Впрочем, если проиграешь, ты о ней и не вспомнишь.

— А точно не обманешь? — недоверчиво покосился киммериец на Гекмона.

— Я? — притворно изумился тот. — За всю свою долгую жизнь... — начал он и испуганно посмотрел на гостя: ему вовсе не хотелось пугать варвара раньше времени, говоря правду о себе. Но тот воспринял слова хозяина замка совершенно спокойно: ему, не прожившему еще и двух десятков лет, Гекмон, выглядевший как сорокалетний мужчина, казался если не стариком, то во всяком уж случае пожилым человеком. — За свою долгую жизнь, — продолжил отпрыск Ксотли, — я никогда и никого не обманывал.

— Ладно, верю, — хмыкнул Конан. — Что за игра?

— Она несколько необычна. То есть игровое поле, фигурки и кубики сами по себе — ничего особенного. Пока игра не началась. Но стоит тебе бросить кубики...

— А тебе?

— Ну, и мне. Не перебивай. Так вот, стоит бросить кубики, как фигурки сами начинают двигаться по полу, и где остановится выбранная тобой... или мной, конечно, — поспешно добавил Гекмон, — туда ты и попадешь. Если сумеешь вернуться, ход перейдет ко мне. А нет... Значит, не повезло.

— Колдовство какое-то? — насторожился киммериец.

— Что ты! — всплеснул руками его собеседник. — Просто это старинная игра, которую придумали... э-э... мудрецы... Да, мудрецы. Они обитали... э-э... на Краю Земли. Да-да, там. Несколько тысяч лет назад.

— А к тебе она как попала?

— По наследству. Впрочем, все это не так интересно. Будем играть?

— Сет с тобой, — махнул рукой Конан. — Не думай, что я испугаюсь какой-то игрушки, даже если в нее играли демоны Ночи.

— И мысли такой не было! — вскричал Гекмон. — Устраивайся поудобнее. Я сейчас вернусь.

Он быстро вышел из комнаты, где принимал гостя, и вскоре вернулся с большой деревянной шкатулкой. Поставив ее на стол, который за время отсутствия хозяина прибрали молчаливые слуги, Гекмон ласково погладил резную крышку.

— Джидак! — торжественно провозгласил он.

— Что? — не понял Конан.

— Джидак. Так называется игра.

Он откинулся на спинку кресла и она вместе со шкатулкой сложилась в довольно большое игровое поле. По черной лакированной поверхности змеилась тонкая серебряная полоска, которая, прихотливо изгибааясь, образовывала сложные петли и зигзаги. На блестящей ленточке мерцали темно-зеленые кружки, а в середине поля располагался большой плоский круг, который тускло светился изнутри. На краю шкатулки в небольшом углублении лежали две фигурки из слоновой кости, похожие на людей (одна — на воина, вторая — на жреца), и два четырехгранных кубика.

— Выбирай фигурку, — милостливо предложил Гекмон.

— Чего тут выбирать? — усмехнулся молодой варвар. — Воина, конечно.

— Я так и думал! — радостно засмеялся сын демона. — Первый ход — твой. — Он поставил костяного воина на голубую пластину, от которой начиналась дорожка, и протянул Конану кубики: — Бросай на поле.

Киммериец положил их на ладонь и внимательно осмотрел со всех сторон. Кубики как кубики. Самые обыкновенные. Никакого подвоха вроде бы нет.

Сложив ладони вместе, варвар несколько раз встряхнул кубики и бросил их. Они покатились по гладкой поверхности в разные стороны и остановились. На верхней грани одного из них была выдавлена одна точка, другого — три.

— Четыре, — услужливо подсказал Гекмон.

— Сам вижу, — угрюмо буркнул Конан. — И что дальше?

— Смотри.

Маленький воин вдруг ожила, бодро зашагал по дорожке, миновал три темно-зеленых кружка, остановился на четвертом и топнул ногой.

Круг, находившийся в середине игрового поля, засветился ярче, и по нему побежали картинки. Берег моря, лес, плотной стеной стоявший у самой воды, большая поляна, покрытая высокой травой, вход в пещеру, подземные коридоры, высокая гора.

— И что это значит? — удивился варвар.

— Тебе надо пройти от горы через лес к морю. Едва ты ступишь в воду, как вернешься сюда...

Последние слова донеслись до киммерийца уже издалека.

Он не успел и глазом моргнуть, как неведомая сила подхватила его, вокруг сгустился туман, и Конан почувствовал, что летит в пустоту...

Глава третья

Тьма рассеялась, и Конан увидел, что стоит на узкой, чуть шире его ступни, площадке, прижавшись спиной к почти отвесной каменной стене. Впереди, на расстоянии половины ладони, площадка обрывалась. Там зияла пропасть, казавшаяся бездонной. Ставаясь не делать резких движений, юный варвар осторожно пошевелился и посмотрел по сторонам: не стоять же тут ему вечно!

То, что он увидел, повергло бы в уныние кого угодно. Площадка, на которой он стоял, скорее, тропа тянулась вправо и влево от него, но идти по ней не имело смысла: слева она стремительно сужалась и еще в пределах видимости сходила на нет, справа она, судя по всему, тоже кончалась где-то неподалеку. Вперед также некуда. Аккуратно толкнув ногой камешек, киммериец так и не услышал, достиг ли тот дна пропасти: досчитав до ста, он бросил это неблагодарное занятие. Оставался только один путь — наверх.

Как и всякий киммерийский мальчишка, Конан вырос в горах и не раз взбирался на такие кручи, куда залетали лишь птицы. Но он знал: горы опасны и коварны, здесь нельзя расслабляться ни на миг.

Затаив дыхание, очень медленно, продумывая каждое движение, Конан повернулся к каменной стене лицом и принялся рассматривать ее. Так... Вон там, в паре шагов, кажется, есть несколько едва заметных выступов, за которые можно ухватиться. Надо бы подойти поближе. Он осторожно сделал один шаг, потом другой... Отлично! Вот здесь он и полезет наверх.

Сколько прошло времени с этого первого шага, киммериец не знал. Оно будто остановилось. Руки и ноги саднило, кожа на животе была ободрана так, словно ее изгрызли тысячи мелких насекомых, едкий пот заливал глаза, но Конан не останавливался ни на мгновение, прекрасно понимая: помедли он чуть больше, чем надо, — смерть, поторопись он, сделай неверное движение — смерть. И он преодолел подъем! Когда ему уже начало казаться, что сил больше нет, стена вдруг кончилась. Напрягшись, он отчаянным рывком бросил свое тело вперед и, облегченно вздохнув, лег ничком на довольно обширной площадке.

Постепенно сердце успокоилось и стало биться ровно, дыхание восстановилось, кровавый туман перед глазами рассеялся, силы вернулись. Варвар сел и взглянул вниз. «Странно, — подумал он, — не так уж высоко я и взобрался. Чего же так устал-то? Отвык, наверное, в этих душных городах от воли...» Но у него не было ни времени, ни желания долго размышлять об этом. Надо было идти вперед. Он посмотрел по сторонам. Все хорошо. Больше лезть наверх не придется. Вот он — спуск. Едва приметная тропинка, виляя и теряясь среди камней, бежала вниз, туда, где в легкой туманной дымке виднелись зеленые кроны деревьев.

Конан поднялся и быстро зашагал по тропе, не забывая, однако, время от времени останавливаться, чтобы оглядеться и прислушаться. Но все было спокойно, и варвар, слегка расслабившись, даже тихонько замурлыкал под нос песенку, которую любил напевать Арельдо, его приятель по Пустыньке. Тот, правда, не узнал бы мотив ни за что на свете, ибо боги начисто лишили киммерийца музыкального слуха. Но разве это важно, когда душа поет?

До леса оставалось не больше пятисот шагов, когда Конан вдруг насторожился и замолчал: откуда-то сзади и справа донесся едва различимый шорох. Он резко обернулся.

Другой на его месте ничего не заметил бы, но варвар с детства научился наблюдательности. Суровая жизнь северного края, где он вырос, была жестока к слабакам и ротозеям. «Хочешь дожить до завтра, вырасти глаза на затылке», — сказал ему как-то отец, и он запомнил эти слова навсегда. За большим камнем неподалеку от тропы что-то едва заметно шевельнулось, и Конан мгновенно понял, какая опасность ему грозит. Горный кот вышел на охоту!

В тех краях, где варвар родился, этот хищник считался самым страшным врагом человека. Быстрый, хитрый, беспощадный, он почти всегда побеждал противника, будь то огромный зверь, будь то опытный охотник.

Горные коты водились в Киммерийских горах, но мало кто мог похвастаться тем, что видел это на редкость красивое и грациозное животное. Да и неудивительно: мертвые не болтливы, а тем, кого этот зверь не собирался убивать, он обычно не показывался. Но все же находились люди, которым повезло встретить хищника и остаться в живых. В родной деревне Конана был один охотник, настолько удачливый, что поговаривали даже, будто он сын не то бога, не то демона, который и научил его чувствовать и понимать зверей. Звали его Дилах. Так вот однажды Дилах вернулся с охоты, неся на плече большую шкуру. В длину она достигала локтей пятидесяти, была темно-серой с белыми пятнами на шее, груди и брюхе, а кончик хвоста — черный. Мертвая голова, которую охотник решил тоже сохранить, смотрела прямо перед собой темно-желтыми глазами, в оскаленной пасти торчали острые клыки, способные в одно мгновение перегрызть хребет крупному зверю.

И вот сейчас такой кот, только живой, невредимый и, по всей видимости, голодный, притаился за камнем, собираясь напасть. Конан замер на миг, потом, стараясь двигаться как можно осторожнее, огляделся и сделал несколько медленных шагов туда, где тропа расширялась, а на противоположной ее стороне возвышался плоский камень. Варвар знал, что горный кот всегда охотится в одиночку, так что другого хищника опасаться не стоит. Но он знал также, что ни один зверь не может сравниться с котом в умении прыгать. Тот легко преодолевал расстояние в пятнадцать локтей, а значит, надо было занять такую позицию, чтобы это умение использовать себе во благо. Горный кот не выйдет из укрытия, пока не приблизится к жертве на расстояние прыжка.

Конан подошел к облюбованному им камню, встал возле него, стараясь не подавать вида, что почувствовал зверя, и тихо-тихо, чтобы металл не звякнул о ножны или камень, вытащил меч. Он уже понял, как может победить, и оставалось только надеяться, что не просчитался.

Ждать долго не пришлось. Сзади послышался шорох, такой легкий, что, казалось, человеческое ухо просто не может уловить его, и в воздухе мелькнула длинная тень. Промедли киммериец хоть одно мгновение, и лежать ему среди камней с разорванным горлом. Но он был начеку. Конан молниеносно бросился на землю и откатился в сторону, а хищник, не в силах задержать полет, со всего маху ударился головой о камень. Еще миг понадобился варвару, чтобы вскочить на ноги и по самую рукоять вонзить меч под левую лапу зверя, пока тот не успел опомниться. По великолепной темно-серой шерсти пробежала дрожь, кровь хлынула из разинутой пасти, и роскошное животное испустило дух.

Конан вытащил клинок, обтер его о шкуру горного кота и вернул в ножны. Липкий пот струился по лицу, груди и спине киммерийца, словно он один от рассвета до заката противостоял целому войску противника. «Да что это со мной? — снова подумал Конан. — Еще и трети пути не пройдено, а устал так, будто дошел от Киммерии до Заморы, ни разу не останавливалась. Что-то тут нечисто».

Он покачал головой, невесело усмехнулся и побрел к лесу, намереваясь найти там местечко, чтобы хоть немного передохнуть. Тем более что в небе уже закружились огромные птицы, слетаясь на кровавый пир. Варвар знал этих тварей. Каждая могла унести в своих когтях быка, да и сожрать его целиком ей ничего не стоило. Так что горного кота им явно будет мало, а киммериец что-то усомнился, выдержит ли он прямо сейчас еще одну схватку. Ничего, пока они утоляют первый голод, он успеет дойти до деревьев, а в леса эти птицы никогда не суются: густые кроны не дают им взлететь, уж больно велики их крылья.

Дошагав до кромки леса, Конан остановился, изумленный до глубины души. Конечно, он еще совсем молод и не так много повидал на своем веку, но не надо быть убеленным сединами старцем, чтобы понять: такой лес мог существовать только в большом воображении. Здесь перемешалось все: север и юг, запад и восток, ранняя весна и поздняя осень. Киммериец вертел головой во все стороны и, чем больше видел, тем больше удивлялся.

Вон стоят высокие, почти в сто локтей, деревья с крупными, причудливо рассеченными листьями, на потрескавшейся коре которых выступил желто-зеленый густой сок. Эти деревья варвар хорошо знал. У него на родине этот сок собирали, чтобы на целый год заготовить сладкий сироп. Он сам мальчишкой не раз отправлялся с туеском, выдолбленным из деревянной чурки, за соком. Но это всегда бывало ранней весной, когда еще не весь снег растаял в лесу. Он подошел поближе, провел пальцем по светло-коричневому стволу, слизнул желтоватую прозрачную капельку и даже прищмокнул от удовольствия. Сомнений быть не могло: этот неповторимый вкус он помнил с детства.

Почему же рядом пышно разрослись каштаны? Их он тоже узнал по овальным листьям с острыми зубчиками и темно-коричневым плодам, которые едят и сырыми, и вареными, и жареными, и печеными. Но ведь плоды вызревают к осени! Да и деревья эти настолько капризны и теплолюбивы, что растут только на юге, да и то лишь у моря.

А вон там — киммерийские сосны. Огромные, устремившие кроны к самым небесам. Их ни с чем не спутаешь, у них широкие и длинные иголки, да еще шишки, здоровенные такие, как два его кулака, и внутри орешки, маленькие, но сладкие и сочные — любимое лакомство всех его сородичей. Но чтобы шишки-то вызрели, вообще чуть ли не первого снега ждать приходится.

Рядом с соснами — арга. Ну это-то не так странно. Она повсюду растет. У него на родине — кустам на юге — могучими деревьями. Удивительное растение! Ничего не боится: ни мороза, ни засухи. А пользу человеку приносит огромную. Древесина у него прочная, смолистая и совсем не гниет. И дом из нее построить можно, и лодку, и мебель соорудить, да такую крепкую, что и правнукам останется. С корой кожи дубить можно. Добротная получается, одежде сносу нет.

А листики? Узенькие, тоненькие, как иголочки. Но сила в них великайя. Сорви пучок, пожуй — и зубы белые, крепкие, хоть гвозди грызи. Но самое замечательное в арге — ягоды. Мелкие такие, темно-синие. Вкусные... Сочные, ароматные, сладкие, со смолистым привкусом. Масло из них и простуду лечит, и раны заживляет, и старикам спины выпрямить может. Еще женщины с этими ягодками мясо и рыбу солят. Годами хранить можно. И пиво их них делают, и вино...

Впрочем, рассматривать деревья можно было еще бесконечно долго, но Конан прекрасно понимал, что не за этим сюда пришел. В конце концов, какое ему дело до того, как и что растет в этом сумасшедшем лесу? Ему надо пройти через лес и выйти к морю, тогда он

выполнит свою задачу и вернется к Гекмону, чтобы продолжить эту нелепую игру. Правда, там, на картинке, были еще какие-то подземные коридоры и пещера. Но где они? Или он миновал их, когда полез напрямик по отвесной скале? Наверное, так. Как бы там ни было, гора осталась позади и возвращаться, чтобы найти пещеру, он не собирается.

Киммериец решительно тряхнул головой и быстро зашагал прочь от гор, почему-то нисколько не сомневаясь, что море лежит там, впереди.

Он шел уже довольно долго, когда неожиданная мысль заставила его остановиться. В лесу стояла полная тишина. Не жужжали насекомые, не щебетали птицы, ни разу не хрустнула ветка или не зашелестела трава под лапами неосторожного зверя. Казалось, во всем лесу не было, кроме него, ни одной живой души. И стоило Конану подумать об этом, как раздался треск ломаемых кустов и навстречу варвару вышло Нечто.

Оно не походило ни на что, его словно слепило безумное божество из всего, что попалось случайно под руку. Тварь была высокой, на пару голов выше киммерийца, и ее могучая фигура напоминала человеческую. Кожа монстра отливала болотной зеленью, и ее густо усеивали крупные бородавки. Руки доходили почти до пят, а шестипальые ладони заканчивались узловатыми пальцами с круглыми выпуклыми ногтями. Ноги существа могли сгибаться в нескольких местах, ибо коленных чашечек у него было по три на каждой конечности. Ступни, длиной не меньше локтя, почти плоские, больше походили на лапы лягушки. Но самой примечательной была голова монстра. Огромная, почти с ширину плеч, наверху, она резко сужалась книзу, острый подбородок загибался крючком, носа не было вовсе, а во лбу сиял, как драгоценный камень, единственный ярко-зеленый глаз. Рот был узкий, как щель, безгубый и шел, изгибаясь плавной дугой, от уха до уха. Уши, плотно прижатые к черепу, заострились кверху, и из них торчали пучки бурой шерсти. Голову венчали четыре рога: два поменьше — по бокам, два длинных — в середине.

Пока Конан рассматривал чудовище, оно быстро шагнуло к нему, и киммериец выхватил меч. Едва неведомое существо протянуло к нему лапу, как острый клинок, словно действовал сам по себе, отсек безобразную кисть. Из обрубка показалась густая ярко-желтая жидкость, тварь поднесла руку к глазу, удивленно посмотрела на нее и, Конан мог поклясться чем угодно, улыбнулась. Зубов в пасти не оказалось, но десны были острыми, как хорошо отточенный кинжал. Затем, высунув язык, она тщательно облизала кулью, и на месте раны тут же выросла новая кисть. Монстр, расставив руки, будто хотел обнять весь мир, двинулся на варвара.

Мгновенно отпрыгнув в сторону, Конан выставил перед собой меч. «Что делать? — думал киммериец. — Если эта дрянь так легко отрастила новую руку, значит, сталь ее не берет. Бежать? Ну нет!..» И тут ему стало не до рассуждений. Чудище вело себя более чем странно. Оно вроде бы и не нападало, но и не отпускало варвара, не давая ему ни отступить, ни прорваться вперед, играя с ним, как кошка с мышью. Мышь, правда, может лишь попытаться улизнуть, а киммериец отчаянно защищался. Он наносил удар за ударом, рассекая удивительно податливую плоть противника, желтые брызги крови немыслимого создания летели во все стороны, а оно лишь разевало рот, заходясь в беззвучном хохote, пробегало по своим ранам длинным сизым языком и вновь представляло перед Конаном целым и невредимым.

Странный бой затягивался, и киммериец почувствовал, что силы стремительно покидают его, будто это его собственная кровь пропитала землю на том месте, где шел поединок. Движения его замедлились, перед глазами поплыла дымка.

Неожиданно монстр присел, согнув ноги во всех своих коленях, и его язык, словно прочная веревка, обмотал лодыжки варвара. Чудовище резко выпрямилось, и Конан шлепнулся навзничь, сильно ударившись затылком о корень дерева. Последним, что он успел увидеть перед тем, как тьма поглотила его, был меч, который вылетел из руки и, сверкнув на солнце, глубоко вонзился в мягкую землю.

Когда он с трудом открыл глаза, существо сидело на корточках совсем близко и внимательно разглядывало его. Увидев, что человек пришел в себя, оно радостно улыбнулось, схватило его в охапку, выпрямилось и потащило ко рту, явно намереваясь попробовать, каков он на вкус.

Собрав последние силы, Конан вцепился в средние рога твари и напряг мышцы, пытаясь хотя бы оттянуть конец. И тут произошло нечто невероятное. Рога с хрустом обломились, оттуда вырвался воздух, ударив смрадной струей высоко в небо, монстр обмяк и грудой грязного тряпья сложился у ног варвара. Останки задымились и исчезли. Когда едкий дым рассеялся, киммериец увидел, что сжимает пустые кулаки.

Он едва держался на ногах, сил не осталось даже на то, чтобы о чем-то думать. Конан кое-как доковылял до меча, еле-еле выдернул его из земли и, волоча клинок за собой, побрел дальше.

К его счастью, до моря оставалось не больше трехсот шагов. Лес неожиданно расступился, и Конан увидел узкую полоску песчаного пляжа, а за ней — спокойную синеву зеленую морскую гладь.

Колени его подогнулись, и он рухнул лицом в песок, но не остался лежать, а упрямо пополз вперед.

Добравшись до воды, он встал на четвереньки, набрал полные пригоршни и ткнулся в них лицом...

Он даже не успел почувствовать, холодная вода или теплая. Невидимый вихрь поднял киммерийца, закружил его, и он снова провалился в пустоту.

Глава четвертая

Превосходно! Я рад видеть тебя в здравии, мой юный друг. Похоже, на сей раз мне наконец-то встретился настоящий игрок... — услышал киммериец. Перед Конаном, который еще не совсем пришел в себя, сидел Гекмон, улыбавшийся так радостно, будто его только что известили об огромном наследстве.

Хозяин замка, казалось, даже помоложел, и теперь вряд ли кто-нибудь мог предположить, что ему больше тридцати лет.

Впрочем, киммерийца ничуть не волновало, как выглядит Гекмон. Он безмерно устал и теперь хотел лишь одного: спать.

— Слушай, — не совсем вежливо прервал он Гекмона, — давай завтра доиграем.

— Завтра? — всплеснул тот руками. — Завтра?! Ну уж нет! Я надеюсь, ты задержишься у меня Денька на три-четыре... Хотя бы. Это непростая игра. Для нее нужны силы и время. А то и погинуть можно.

— Три так три, четыре так четыре, — равнодушно согласился Конан, чувствуя, как веки наливаются тяжестью. — Главное, чтоб не один.

— Вот и чудно, — ласково улыбнулся Гекмон. — Если не возражаешь, я сделаю свой ход, а когда вернусь, отправимся отдохнуть. Пока ты свершал там, — от ткнул пальцем в середину игрового поля, — свои подвиги, я лично проверил, какую комнату тебе подготовили. Будешь доволен.

С этими словами он взял кости, встряхнул их в ладони и разжал пальцы. На обоих кубиках выпало по единице. Фигурка жреца, которая осталась для хозяина, бодро переместилась на нужную отметину, и не успел варвар и глазом моргнуть, как Гекмон исчез. Просто растворился в воздухе.

Конану даже спать расхотелось. Он с любопытством взглянул на круг, где до этого мелькали изображения гор и леса, через которые ему пришлось пройти, но ничего, кроме клубов темно-серого тумана, не увидел.

Неожиданно дверь за спиной тихонько скрипнула, киммериец резко обернулся и чуть не подпрыгнул от изумления: на пороге стоял Аркад.

— Ты?! Как ты здесь очутился?

— Неважно, — отмахнулся мальчишка. — Я хочу...

— Неважно? — перебил его Конан. — Да я...

— Замолчи! — гаркнул рыжий так, что у варвара почему-то пропало желание задавать вопросы. — Времени нет. Он вот-вот вернется. Ты думаешь, тебя долго не было? Как бы не так. Тень от дерева во дворе и на ладонь не смешилась... Слушай меня внимательно. Я знаю очень многое. Гекмон — вампир. Но пьет он не кровь, а чувства. Посмотри на себя...

Он протянул Конану зеркало, и тот лишь тихо присвистнул, увидев свое отражение. С блестящего серебряного овала на него смотрел не восемнадцатилетний юнец, а мужчина лет тридцати — тридцати пяти с мелкими морщинками возле глаз и проседью в смоляных волосах.

— Понял теперь? — продолжил Аркад, не давая Конану и рта раскрыть. — Он выпьет твою силу, и ты через пару дней умрешь от старости. Но я тебя спасу.

— Кто ты? И почему ты помогаешь мне? — Варвар наконец вновь обрел дар речи.

— Я не человек. Но это длинная история, и рассказать я ее тебе уже не успею. А почему

решил помочь... — Он на миг задумался. — Сам не знаю. Вы, люди, очень странные существа. Стоит побывать в вашем обличье подольше, начинаешь думать и действовать как человек. А ты мне понравился. Такие не должны погибать столь глупо и бесславно.

— Но ведь ты рискуешь...

— Чем? — усмехнулся Аркад. — У меня нет своего тела, так что меня нельзя изувечить. Я бессмертен. Я... Впрочем, не обо мне речь. Вот, держи.

Он протянул что-то Конану, и тот увидел, что мальчишка дает ему маленькую деревянную человеческую фигурку, сработанную весьма грубо, на тонком кожаном шнурке. Пока киммериец рассматривал подарок, Аркад объяснил:

— Это Корень Жизни. Видишь, как он похож на человека? Он дарует своему владельцу здоровье, силы, удачу, возвращает молодость даже дряхлым старцам. Носи его на шее, и с тобой ничего дурного не случится. Только спрячь от посторонних глаз. Да, еще. Смотри, на нем множество отметинок. Столько раз этот корень давал жизнь ростку. Ему больше сотни лет. Он очень сильный.

Он неожиданно замолчал и прислушался. Конан тоже напрягся, но ничего подозрительного не обнаружил.

— Мне пора. Время истекло, — сказал рыжий и юркнул в дверь.

И тут же прямо напротив Конана возник Гекмон. Варвар едва успел спрятать Корень Жизни.

— Вот я и тут, — светло улыбнулся ему вампир. — Не знаю, как ты, а я замечательно провел время. Однако, — он сочувственно посмотрел на своего гостя, — не хочу тебя утомлять. — Гекмон хлопнул в ладоши, и на его зов мгновенно явился слуга. — Орд, проводи молодого человека в его комнату. Ему надо отдохнуть.

Пройдя десятка три шагов по широкому коридору, ярко освещенному короткими и узкими факелами, держатели которых могли бы поспорить красотой и изяществом с изысканными ювелирными украшениями, слуга распахнул тяжелую дверь, пропустил гостя вперед, отвесил низкий поклон и молча удалился.

Конан вошел в комнату и быстро окинул ее внимательным взглядом. Не очень просторная, она была чисто прибрана и хорошо обставлена. На полу лежал толстый темно-серый ковер с затейливым рисунком из красных полос, в пушистом ворсе которого ноги утопали по щиколотку. Стены были затянуты темно-красной кожей тонкой выделки с серебряным тиснением. Под окном, забраным изящной густой решеткой, стояла низкая кровать такой ширины, что киммериец, отличавшийся немалым ростом, спокойно поместился бы поперек нее. На одной из стен, справа от кровати, висело большое серебряное зеркало без оправы, но несколько масляных светильников, обрамлявших его, бросали такие причудливые тени, что казалось: оправа была, причем не простая, а все время менявшаяся. Глубокое кресло и столик возле двери, на котором стояли серебряный кувшин и таз для умывания, завершали обстановку.

Конан плотно закрыл дверь, сел на край кровати, достал подарок Аркада и задумался. Что делать? Верить рыжему или нет? Произойди этот разговор не в замке Гекмона, варвар не усомнился бы в искренности мальчишки. А так... К тому же он заявил, что не человек вовсе, а Конан с младых ногтей всю эту дрянь не любил. Но ведь хозяин замка — с ним явно что-то нечисто. Что сказал про него Аркад? Что он вампир и высасывает из людей силу. Не зря мерзавец даже помолодел, а он, Конан... Киммериец резко встал и подошел к зеркалу. Да, ему не почудилось. Вдвоем постарел... С этой пакостью мечом не совладать. Он еще раз

посмотрел на свое отражение. А, собственно, что он теряет? И что за корысть рыжему обманывать его? Была не была!

Конан решительно повесил на грудь Корень Жизни и приготовился... К чему? Он сам не знал. Может, гром должен был грянуть, может, фея какая-нибудь явиться... Но ничего не произошло. И отражение в зеркале ничуть не изменилось.

«Ну и Нергал с ним, — мрачно подумал варвар. — Надеюсь, выспаться мне это не помешает?» Он быстро разделился и нырнул под легкое пушистое одеяло на белоснежные простыни.

Спал он без сновидений, что бывало с ним довольно редко. Обычно он видел во сне такие яркие картины, что, пробудившись, не всегда сразу мог понять, где находится. То ему снилось, как он с мальчишками в далеком детстве лазает по горам, то ему представлялись гладиаторские арены в далекой Халоге, то виделись морские сражения, в которых он никогда не участвовал, а однажды он даже узнал во сне историю меча, который нашел в пещере, спасаясь от волков... Но на сей раз сон его был глубоким и ровным, и, открыв глаза, Конан почувствовал, что замечательно отдохнул. От вчерашней усталости не было и следа.

Он быстро поднялся, нацепил свой нехитрый наряд, с удовольствием умылся чистой прохладной водой из кувшина, а когда шел к креслу, чтобы забрать меч, ненароком взглянул на висевшее на стене зеркало и остолбенел. Вчерашние морщинки разгладились, черные волосы без малейшего намека на седину снова отливали синевой воронова крыла.

Конан широко улыбнулся: «Спасибо тебе, рыжий. Теперь-то уж мы поборемся!»

Гекмон встретил киммерийца, как всегда, улыбаясь:

— Рад приветствовать тебя, мой юный друг. Ты, я вижу, хорошо отдохнул. Молодость... Она быстро набирается сил. Прекрасно! Это сулит увлекательную игру...

Вампир и не подозревал, что впервые за сотни лет ему не повезло. И дело было даже не в том, что одна из Красных Теней предала его и встала на сторону смертного. Этот смертный был любимцем богов, и Ксотли, древнее полузабытое божество, не обладал такой мощью, чтобы достойно противостоять им. Да и не собирался делать этого. Его дети, покидая мир людей, питали старого бога, растворяясь в нем, придавая ему сил, а Гекмон уже слишком долго был человеком...

Игра продолжилась. Конан раз за разом с честью выдерживал выпадавшие ему испытания, но не дряхел, а вопреки ожиданиям вампира становился лишь более сильным и ловким, приобретая бесценный боевой и жизненный опыт.

Киммериец победил лучших воинов племени людей-птиц, и те, признав его заслуги, наградили юношу орлиным зрением. Он пробудил к жизни древний лес, уничтожив полоумную ведьму Лантранту, и счастливые обитатели леса даровали ему умение видеть в темноте. Он спустился на дно холодного океана и освободил от злых чар королеву русалок, за что получил еще один неоценимый дар — непобедимость. Конан преодолел бескрайнюю пустыню и научился выживать в этих страшных условиях. Ему даже привелось побывать в гареме могущественного владыки и, чтобы красотки не выдали его, провести с каждой пылкую ночь любви. Он встречался с разными людьми, боролся с монстрами и зомби, поднимался в горы к самым небесам и спускался под землю. В его родном мире прошло всего несколько дней, а там, в игре, он прожил несколько жизней.

Наконец настал день, когда он должен был сделать последний ход и либо победить, либо умереть. Придя утром в комнату Гекмона, Конан удивился: рядом с хозяином замка сидела хорошенъкая темноглазая девушка.

— Знакомься, — сказал маг. — Сонатра, дочь советника короля Зингары. Это за ней ты пришел сюда. — Девушка с надеждой посмотрела на киммерийца. — От исхода игры зависит, встретится ли она с отцом. Но ты не обольщайся. Еще никто не обыгрывал меня в джидак.

— Должен же кто-то начать, — пожал плечами варвар.

Он сгреб кубики и, почти не встряхивая, бросил: до конца игрового поля оставалось всего два шага, а значит, в любом случае ему завершать игру. Два и выпало. Гекмон поморщился, усмотрев в этом дурной знак, а фигурка воина, бодро шагнув вперед, замерла на последней точке. Центральный круг игрового поля замерцал и погас, не явив ни одной картины.

— Что это значит? — Конан подозрительно покосился на Гекмона.

— Скоро узнаешь! — зловеще расхохотался тот, и темнота поглотила киммерийца.

...Очнувшись, Конан увидел, что стоит в дремучем лесу. Солнце, судя по всему, недавно опустилось за горизонт. Было самое начало ночи, когда воздух еще пропитан дневным теплом, а небо не приобрело глубины черного бархата и звезды только зажглись едва заметными огоньками.

Высокие деревья со всех сторон окружили киммерийца, густой кустарник, льнувший к могучим стволам, так тесно переплел ветви, что даже зоркие глаза варвара не могли различить ни одного просвета.

Неожиданно Конан почувствовал, что его начинает душить страх, липкий, холодный, как в детстве, когда он с приятелями выдумывал ужасные рассказы, чтобы пощекотать друг другу нервы и закалить волю.

О чем только не болтали они, сидя в сгущавшихся сумерках! Об оборотнях, о волках-людоедах, о неприкаянных душах, ставших вампирами, о кошмарных чудовищах, рожденных богатым воображением и страхом.

С трудом стряхнув внезапное оцепенение, киммериец достал меч и шагнул вперед, намереваясь прорубить в кустах дорогу. Куда он собрался идти, Конан и сам не знал, но не стоять же на одном месте, даже кожей чувствуя опасность, притаившуюся в ночной мгле.

Острый клинок, поблескивая в призрачном свете голубой луны, прорубал в зарослях тропинку, и варвар прошел уже сотни полторы шагов, когда жуткий вой, раздававшийся, казалось, отовсюду, прорезал тишину. Конан замер и прислушался. Сомнений быть не могло: волки. Странно. Серые хищники охотились стаями в основном зимой, а сейчас, когда в лесу было полно живности, они прекрасно могли прокормиться поодиночке. Что-то здесь было не так.

Справа, слева и впереди вспыхнули красные огоньки голодных глаз, и киммериец увидел трех огромных матерых зверей. Волки напряглись, готовясь к прыжку, но нападать пока не отваживались. Конан, сжав рукоять меча, замер в боевой стойке. Три долгих удара сердца он ждал, пока наконец один из хищников, тот, что был впереди, не прыгнул.

Сверкнул клинок, мягко погружаясь в податливую плоть, и крупная лобастая голова с белым пятном между ушами, разбрызгивая кровь, покатилась в кусты. Два других зверя словно ждали этого. Взвыв так, что мороз пробежал по коже варвара, они одновременно бросились на него с двух сторон.

Конан резко присел, вскинув вверх руку с мечом, и один из волков, отчаянно завизжав, испустил дух, пронзенный насеквоздь. Оставался еще один, который, развернувшись, снова летел на Конана. Быстрое движение — и благородная сталь рассекла надвое могучее тело

зверя-людоеда. Все кончилось, едва успев начаться.

Киммериец, не выпуская меча, отер со лба пот, окинул взглядом поле битвы, и сердце его подскочило к самому горлу. Отрубленная голова открыла глаза, губы хищника дрогнули, обнажив острые клыки, и обезглавленное тело поползло вперед, словно уловив безмолвный зов.

«Бежать!» Эта мысль огнем полыхнула в мозгу Конана, и он помчался прочь, не разбирая дороги, не чуя под собой ног. Он бежал все быстрей и быстрей, пока вдруг не понял, что опасность миновала.

Конан огляделся: небольшая поляна, окруженная все тем же лесом, а где-то впереди тихо плещет вода. Речка? Похоже. На его родине часто встречались такие вот небольшие лесные речушки, всегда холодные, но чистые, и вода в них была необычайно вкусна.

Река и в самом деле оказалась совсем близко. Конан набрал полные пригоршни воды, с удовольствием умылся и сделал несколько глотков. И, странное дело, будто и не вода это вовсе была, а живительный бальзам, от усталости не осталось и следа.

Киммериец присел на берегу, опустил руку в ласковую воду и, глядя, как она, разбиваясь о пальцы, весело бежит куда-то вдали, задумался. Все места, куда он до сих пор попадал, явно не существовали в его мире. А этот край до боли походил на его родину. Но если он и правда очутился в Киммерии, Гекмону надеяться не на что. Кому, как не Конану, знать эти леса, реки, горы? Он здесь родился и вырос, он помнит каждый камешек, каждую травинку и знает, какие опасности могут подстерегать его. Вот только не худо бы было разобраться, куда именно занесла его волшебная сила, и тогда станет ясно, как отсюда выбираться.

Он снова посмотрел на воду и вдруг радостно улыбнулся. Как он сразу не сообразил! Река! Возле нее обязательно должны быть деревни. Надо пойти вниз по течению, и еще до полуночи он наткнется на какое-нибудь село. Киммерийцы, правда, народ неприветливый, нежданых гостей не очень-то привечают, особенно ночных, но уж соплеменника-то не прогонят.

Варвар поднялся и бодро зашагал вдоль берега, вдруг представив, что не было этих лет на чужбине, что он снова стал тем мальчишкой; каким был не так уж давно, и что скоро он увидит родной дом. Он вспомнил друзей беспечного детства, отца, мать и так размечтался, что даже забыл об осторожности.

Громкий треск ломаемых ветвей резко оборвал приятные воспоминания, и прямо перед Конаном возник медведь.

Он был не очень крупный, не выше киммерийца, но маленькие налитые злобой глазки, желтые кривые клыки, с которых капала розовая пена, и длинные черные когти на лапах ясно говорили о том, что зверь опасен.

Варвару приходилось когда-то охотиться на медведя, и он знал, насколько этот зверь силен и ловок. Быстро выхватив меч, Конан бросился вперед, не давая медведю напасть первым. Попадись он в цепкие лапы хищника — и пропал. Из таких объятий мало кому удавалось вырваться. Не успел косматый опомниться, как стальное лезвие распороло ему брюхо и густая кровь потоком хлынула на землю. И тут произошло невероятное. Медведь закричал, но крик его был криком смертельно раненного человека. Прямо на глазах изумленного варвара зверь начал изменяться, и через несколько мгновений на траве лежал высокий, крепкий еще старик, зажимая двумя руками страшную рану. Он посмотрел на Конана ненавидящим взглядом и прохрипел:

— Не радуйся, юнец... Меня так просто не убьешь... Я тебя еще достану...

Оборотень! Не отвечая, киммериец снова бросился бежать. Оборотня мечом не возьмешь. Надо отыскать людей, предупредить их об опасности, раздобыть серебряное оружие и тогда... Что будет тогда, он додумать не успел. Видимо, боги услышали его мольбы: впереди показалась деревня.

Добежав до ближайшего дома, Конан изо всех сил ударил кулаком в тяжелую дверь. Чейто недовольный голос спросил:

— Кого это демоны носят посреди ночи?

— Я Конан, из клана Канахов. Заблудился в лесу... — Варвар перевел дыхание. — Открой, хозяин, беда на пороге.

— Почем мне знать, что ты не врешь? — пробурчал хозяин, но дверь все-таки открыл, внимательно посмотрел на Конана и кивнул: — Входи.

Хозяин оказался коренастым крепким мужчиной лет сорока, из рода Мурохов, о чем красноречиво свидетельствовала его выступающая тяжелая нижняя челюсть. Звали его Кронвит. Жил он вдвоем с дочерью, невзрачной пятнадцатилетней девушкой по имени Санга. Пока она хлопотала, накрывая на стол, Конан успел рассказать Кронвitu о своей встрече с оборотнем, но того рассказ гостя, похоже, ничуть не взволновал.

— Садись к столу, — только и сказал он. — Поешь, отдохнешь с дороги, а завтра поговорим.

Конан, вдруг почувствовав, что сильно проголодался, сел на деревянную, чисто выскобленную лавку, подвинул поближе блюдо со слегка обжаренным мясом и с удовольствием проглотил первый кусок. Хозяин и его дочь уселись напротив, но ни он, ни она к еде даже не притронулись.

— А вы что же? — удивленно посмотрел на них варвар.

— А мы попозже, когда вкусненькое приспеет, — переглянувшись с Кронвитом, ответила Санга и одарила гостя радостной улыбкой.

В слабом свете масляной лампы блеснули острые клыки. «Вампиры! — подумал Конан. — О боги! Как в детских сказках: то волки-людоеды, то оборотень, а вот теперь вампиры... — И тут он обо всем догадался: — Как в сказках?... Кром! Да это же мои детские страхи! Ничего этого нет!»

Он уткнулся лицом в ладони и захотел так оглушительно, что с потолка дряхлого домика посыпалась труха. Он смеялся до слез, то хлопая себя ладонями по коленкам, то всхлипывая, и вампиры, вдруг подернувшись дымкой, исчезли, а вслед за ними пропали дом, речка, лес... Конан будто нырнул в темноту, а когда выплыл из нее, увидел, что вернулся в замок Гекмона.

В комнате, где они начали игру всего несколько дней назад, почти ничего не изменилось, только стало немного темней. Зато Гекмона было трудно узнать. Он сидел за столом, на котором была разложена игра, вцепившись мелко-мелко дрожавшими пальцами в края деревянной шкатулки, а по его позеленевшему лицу обильно струился пот. От былой жизнерадостности вампира не осталось и следа, от него исходили волны такого ужаса, что их, казалось, можно потрогать рукой.

Повинуясь внутреннему порыву, Конан взял за руку Сонатру, которая застыла в кресле, с изумлением глядя на Гекмона, и потянул девушку за собой. Та беспрекословно повиновалась, и они, отступив к двери, остановились, ожидая, что будет дальше.

— Я проиграл... — чуть слышно проговорил вампир. — Я проиграл. — Он поднял покрасневшие глаза на Конана: — Забирай ее. Это честная добыча...

— Пора! — прогремел вдруг откуда-то сверху голос, похожий на раскаты грома. — Я долго ждал, сын мой. Приди же в мои объятия.

Гекмон вздрогнул и вжался в кресло, пытаясь избежать неизбежного. Огромный паук, зависший под потолком, вдруг зашевелился, протянул к своему чаду лапы-щупальца, обнял его, и Гекмон начал таять, становясь все меньше и меньше, пока не исчез совсем. Единственный глаз демона Древней Ночи ярко вспыхнул, и киммериец, словно очнувшись, толкнул дверь и выбежал в коридор, волоча за собой девушку, которая едва передвигала ноги от охватившего ее страха.

Крепко выругавшись и помянув при этом всех известных ему демонов и темных богов, Конан взвалил Сонатру на плечо и помчался вперед, еще не зная, какая опасность им грозит, но нисколько не сомневаясь, что оставаться тут нельзя. Будто в ответ на его мысли пол под ногами дрогнул, и варвару показалось, что замок вдруг зашевелился, как пробудившийся от сна огромный зверь. Он прибавил шагу и тут же понял, что все его усилия напрасны: логово вампира начало медленно уходить под землю.

Но Конан не был бы Конаном, подумай он хоть на миг о том, чтобы сдаться без боя. Он начал на бегу распахивать все попадавшиеся ему по пути двери и за одной из них обнаружил лестницу, круто уходившую наверх. Очнувшись в несколько прыжков под самой крышей замка, киммериец выглянул в окно: жилище Гекмона неумолимо оседало, а вокруг него разрасталась чудовищная воронка. Варвар мгновенно понял: выбор невелик. Либо оказаться погребенным вместе с замком, либо попробовать прыгнуть. Будь он один, он не сомневался бы в успехе, но с девушкой на плече... Он попытался привести Сонатру в чувство, но бедняжка пребывала в глубоком обмороке. Как скоро она сможет прийти в себя, Конан не знал, а времени у него оставалось все меньше. «Была не была, — подумал он. — Не бросать же ее здесь. Жалко девчонку... Да и награду за нее обещали немалую...»

Он помедлил еще мгновение, прыгнул и уже в полете понял, что просчитался: до края воронки оставалось не меньше локтя. Конец! Не успел киммериец подумать об этом, как из окна башни выплыло красное облако и устремилось к нему. И тут же словно крепкие руки подхватили варвара и девушку, перенесли их через все увеличивавшуюся пропасть и мягко опустили на землю. Облако зависло над головой Конана, все время меняя очертания, но он так и не узнал ни один из обличков, которые пыталось принять спасшее ему жизнь Нечто. Наконец облако задрожало, сбиваясь в тугие комки, и киммерийцу почудилось, что на миг в нем мелькнули чьи-то смутно знакомые черты, но тут огромная черная туча, возникшая над замком, выбросила гибкие щупальца, разметала ими красное облако и стремительно унеслась в небо. Над воронкой взметнулся смерч, прокатился по поляне, где совсем недавно стояло логово Гекмона, и растаял.

Все кончилось. Воронка затянулась, и на том месте, где возвышался грозный замок, остался большой песчаный круг.

Конан долго смотрел на него, размышляя, не приснилось ли ему все это, пока его мысли не прервал нежный девичий голосок:

— Что тут произошло? Где мы?

— Ты можешь идти? — спросил варвар, не отвечая на вопросы.

Сонатра кивнула.

— Тогда пойдем. До твоего дома еще много дней пути.

Он подал девушке руку, и они быстро зашагали прочь от кошмарного места, торопясь уйти как можно дальше.

...Вопреки ожиданиям Конана путь в Кордаву оказался намного длиннее, чем он рассчитывал. Сонатра, любимица не только своего отца, но и зингарского короля, была избалованной, капризной и взбалмошной девицей, которая считала, что любой мужчина не может не влюбиться в нее с первого взгляда и должен быть счастлив, потакая ее прихотям. Едва лишь страх прошел и девушка поняла, что ей больше ничто не угрожает, она показала свой немыслимый характер во всей красе. Она то закатывала истерики и наотрез отказывалась идти пешком, и тогда варвару приходилось нести ее, то вдруг начинала смеяться и рассказывать о своих головокружительных успехах при дворе, то вдруг беспричинно рыдала, жалея себя...

В конце концов киммерийцу пришло вспомнить полученные в Шадизаре навыки, незаметно умыкнуть пару кошечек и коня в какой-то придорожной таверне, и после этого его жизнь стала чуть-чуть легче, так как он смог выполнять некоторые желания красотки, да к тому же ей не нужно было теперь идти пешком, а ему — тащить ее на себе. И все равно ему приходилось постоянно сдерживать себя, чтобы не задушить проклятую девку, и, если бы не обещанная награда, он, наверное, так бы и поступил, хотя до этого у него никогда не возникало даже мысли о том, что он может обидеть женщину.

И вот наступил долгожданный день, когда впереди показались городские стены Кордавы. «Ну вот и все, — облегченно вздохнул варвар. — К полудню будем на месте, сдам эту стерву истосковавшемуся папаше, получу деньги и отправлюсь в Клоаку. Ох и надерусь же я сегодня... Или лучше договориться с Клонильдой? Впрочем, одно другому не мешает. Мы можем и вместе выпить...»

Он так размечтался, что даже не заметил, как миновал последнюю часть пути, и пришел в себя только перед воротами королевского дворца, когда два дюжих стражника преградили ему дорогу, скрестив перед самым носом длинные копья.

— Куда лезешь, голодранец? — грозно спросил один из них. — Это дворец короля Зингары, и ни тебе, ни твоей девке тут делать нечего

— Девке?! — взвизнула Сонатра, соскочила с коня и бросилась к стражнику, вытянув вперед руки, словно намеревалась выцарапать ему глаза. — Девке?! Ты заплатишь за свои слова головой... и я с удовольствием посмотрю, как палач отрубит ее. Я Сонатра, дочь советника Его Величества, а этот храбрый воин спас меня от злого колдуна. Пока ты здесь бока нагуливал, мы с ним жизнью рисковали...

На ее крики к воротам выбежал начальник дворцовой стражи, внимательно посмотрел на девушку и гаркнул:

— Немедленно впустить! — Он склонился до самой земли: — Не гневайся, прекрасная... Дурни они, что с них взять? Всего третий день на службе.

Сонатра фыркнула, как разъяренная кошка, пнула беднягу ногой и, схватив Конана за руку, устремилась к парадной лестнице.

Что началось чуть позже, описать невозможно. Поднялась невообразимая суета. Казалось, не только обитатели дворца, но и все жители Корда вы сбежались посмотреть на Сонатру и героя, который вырвал ее из лап смерти. Приветствовать Конана вышел сам советник Мерильдо. Высокий седой старик обнял дочь, прижал ее к себе, потом слегка отодвинулся и долго смотрел в любимое лицо, не скрывая слез, струившихся из глаз, и нисколько не стыдясь их. Затем, налюбовавшись обожаемым чадом, Мерильдо повернулся к варвару:

— У меня нет слов, достойный юноша, чтобы выразить свою признательность. Ты

получишь награду за свой подвиг, но, какой бы она ни была, я все равно твой вечный должник. Скоро жизнь твоя резко изменится. А пока тебе надо отдохнуть. Слуги проводят тебя. Им приказано выполнять все твои желания. Вечером сам король примет тебя, чтобы выслушать твой рассказ.

Он положил Сонатре руку на плечо, и они удалились. К Конану подошли двое слуг и с низким поклоном попросили его следовать за ними. Он никак не ожидал такого поворота событий и даже слегка растерялся. Киммериец думал, что ему сразу вручат обещанные деньги и отпустят на все четыре стороны. Впрочем, пожить денек-другой в королевском дворце — это даже интересно. Будет о чем рассказать в Клоаке.

Его провели в роскошные покои, состоявшие из трех комнат. В первой, довольно просторной, стоял овальный стол на изогнутых ножках, накрытый светло-зеленой вышитой скатертью, возле стола — три стула, обитых изумрудным бархатом, с высокими спинками. У одной из стен располагался камин, а почти вплотную к нему — удобное глубокое кресло.

Из комнаты вели две двери: одна — в спальню, а вторая — в просторный зал с бассейном и золотой ванной, где даже Конан мог спокойно вытянуться во весь рост. Ванна была наполнена горячей водой с ароматическими солями, и от нее шел нежный запах хвои.

— Устраивайся, господин, — сказал один из слуг и снова поклонился. — Если тебе что-нибудь понадобится, в каждой комнате есть такой шнур. — Он показал на витой шнурок с тяжелой золотой кистью на конце, висевший возле двери. — Потяни за него, и слуги явятся немедленно. Тебе что-нибудь еще нужно?

— Нет, — помотал головой варвар. — С ванной я как-нибудь сам справлюсь. Ступайте.

Привыкший к жизни простой и, как правило, лишенной всяческих удобств, Конан почувствовал себя наверху блаженства, когда, быстро скинув одежду, погрузился в горячую воду. Ему казалось, что вместе с дорожной пылью он смывает с себя не только усталость, но и прежние неудачи. Как там сказал советник? «Скоро твоя жизнь изменится...» Денег, наверное, отвалят от души, а может, и в королевскую гвардию на службу возьмут. А что? Совсем неплохая жизнь. И сытно, и, по всему видать, не очень хлопотно. Не вечно же в Клоаке сшиваться. Там, конечно, весело, да и сам себе хозяин. Но и на службе у короля тоже неплохо. И карьеру можно сделать. Была бы голова на плечах...

Он выпрыгнул из ванной, нырнул в бассейн с прозрачной голубой водой и с наслаждением проплыл его несколько раз от стенки до стенки.

Искупавшись и почувствовав себя будто заново родившимся, киммериец вдруг понял, что проголодался, и решил, что пора одеваться и звать слуг, чтобы принесли чего-нибудь поесть и выпить.

Закутавшись в огромное мягкое полотенце, Конан взглянул на свою грязную одежду и сморщился: надевать пыльные тряпки на чистое тело совсем не хотелось. Может, раз уж его так роскошно принимают, в спальне найдется одежонка получше? Ступая босыми ногами по пушистому ковру, он толкнул дверь в комнату, где стояла широкая кровать, покрытая небесно-голубым шелковым покрывалом, и обомлел: на великолепном ложе, приготовленном для гостя, сидела Сонатра, ослепительную наготу которой едва прикрывали наилегчайшие одеяния, скорее подчеркивавшие, чем прятавшие, соблазнительные формы девушки.

— Удивлен? — Она кокетливо склонила голову набок. — Я соскучилась по тебе. — Девушка притворно вздохнула. — За эти дни я так к тебе привыкла...

Она не договорила, но киммериец прекрасно понял ее и без слов. В его жизни были

разные женщины, и он знал, какие радости сулят объятия красавиц, однако привык думать о Сонатре не как о желанной прелестнице, а как о тяжкой обузе, от которой всей душой жаждал поскорее избавиться. Но сейчас... Девушка была так хороша, что он невольно почувствовал, как желание горячей волной прокатилось по его телу, заставляя разум замолчать и выпускал на волю голодного хищного зверя.

Насколько невыносима эта девица была, пока они добирались в столицу Зингары, настолько потрясающе хороша оказалась она на ложе любви. Она отдавалась Конану так страстно, так полно, что ему казалось: он парит в небесах, а светлые боги, качая его, как младенца, несут к его ногам самые щедрые дары.

Потом они долго лежали рядом, он нежно гладил шелковистые кудри, разметавшиеся по подушке, и слушал ласковый лепет женщины, которая подарила ему самые восхитительные мгновения любви в его жизни.

Неожиданно Сонатра резко села, спрыгнула с кровати и лукаво посмотрела на киммерийца:

— Ты был великолепен. Я не ошиблась в тебе. Она накинула свои легкие одеяния и бесшумной тенью выскользнула из спальни.

Варвар встал, оделся в приготовленные для него штаны из тонкой кожи и бархатную куртку, застегнул ремень, прикрепил к нему ножны с мечом и, вдруг почувствовав, что сейчас просто умрет от голода, дернул тяжелый шнур, висевший у изголовья кровати. Не успел затихнуть серебряный звон колокольчика, как на пороге возник один из слуг, который провожал киммерийца в его покой.

— Слушаю тебя, мой господин.

— Принеси поесть. И вина, побольше.

— Прошу к столу. Через пару мгновений все будет исполнено.

Конан вышел в соседнюю комнату и едва взялся за спинку стула, как вошли несколько слуг с подносами, уставленными всевозможной снедью и кувшинами с ароматным вином. В мгновение ока на столе не осталось и пол-ладони свободного места. Киммериец жестом отпустил слуг и набросился на еду. Ничего более вкусного ему пробовать не приходилось. Жемчужно-розовая рыба, печеные овощи, жареное мясо молодого вепря и оленя, разнообразные маринады, легкое терпкое вино, свежие сочные фрукты — все было просто великолепным, и Конан невольно подумал, что от еды, оказывается, можно получать не меньшее удовольствие, чем от объятий самой страстной красавицы.

Набив до отказа свою бездонную утробу и совершенно осоловев от сытости, он откинулся на спинку стула и подумал: «Пожить бы так хоть годик, надолго воспоминаний бы хватило». Вдруг дверь распахнулась, и вошедший слуга, поклонившись до самого пола, сказал:

— Мой господин, тебя ждет король Зингары. Приказано проводить тебя.

— Что ж, — съято улыбнулся Конан, — веди.

Тронный зал, где правитель Зингары принимал гостей, ошеломлял роскошью, настолько вычурной и нелепой, что она, скорее, не вызывала восторг, а душила. Золото, драгоценные камни, богатое оружие на стенах, драпировки из редчайших тканей, собранных со всего мира, замысловатый рисунок паркета из сотен сортов дерева — все это, по-видимому, должно было вызывать трепет и поражать у всякого, кто ступил под эти своды, мысли о собственной никчемности. У всякого, но только не у киммерийца, для которого деньги означали только одно: возможность сытно поесть, выпить доброго вина и повеселиться.

Зачем человеку денег больше, чем он может потратить?

У дальней стены зала, затянутой темно-синим бархатом, который украшала сложная вышивка из серебряных и золотых нитей с вкраплениями редкого цветного жемчуга, стоял трон — широкое кресло с резными подлокотниками и высокой изогнутой спинкой. На нем восседал король, плечи которого покрывала просторная мантия из белоснежных шкурок крошечных зверьков, специально выращиваемых только ради их ценного меха. Король был уже немолод и, судя по желтоватому цвету дряблой кожи, slab здоровьем. Но силы его подточили не долгие труды на благо отечества, а страсть к обжорству и плотским утехам, о коих среди подданных монарха ходили многочисленные слухи, часто злые и едкие.

На ступеньках трона, облаченные в одинаковые синие с золотом одежды, стояли высокие широкоплечие стражники — личная гвардия короля, попасть в которую было очень непросто. У ног властителя на низкой скамье из черного дерева сидели советник Мерильдо и его единственная дочь Сонатра. Многочисленные придворные расположились вдоль стен Тронного зала, с интересом поглядывая на дверь, откуда должен был появиться юный герой, вернувший старому советнику его самое большое сокровище. Молодой варвар честно заслужил милость самого короля, и все с нетерпением ожидали, что сделает его величество.

Наконец дверь распахнулась, и возникший на пороге слуга провозгласил:

— Конан-киммериец явился по зову вашего величества.

Король встрепенулся, внимательно посмотрел на слугу и важно кивнул:

— Пусть войдет.

Пока монарх расспрашивал Конана обо всех приключениях, выпавших на его долю, пока Сонатра, ласково поглядывая на варвара, превозносила его мужество и отвагу, пока советник изъявлял свою безграничную благодарность и признательность за спасение своей дочери, в зале стоял легкий, едва слышный гул: придворные, а особенно дамы, обсуждали юношу, который произвел на них неизгладимое впечатление. Но вот король поднял руку, и тут же повисла тишина.

— Ну что ж, киммериец, ты совершил подвиг и достоин награды...

Он начал распинаться о том, как ценит мудрость и преданность своего советника, с какой нежностью относится к Сонатре, которую любит, как собственное дитя, как огорчило его горе верного Мерильдо, с каким нетерпением он ждал, когда отец вновь сможет прижать к груди обожаемое чадо, но Конан слушал его вполуха. Он думал о том, сколько ему заплатят и предложат или нет службу в личной гвардии его величества, а если предложат, то велико ли будет жалованье и как долго он будет наслаждаться этой чудесной жизнью. Варвар так высоко вознесся в своих мечтах, что когда наконец услышал, что сказал король, ему почудилось, будто потолок Тронного зала опустился ему прямо на голову.

— Итак, мой юный друг, — проговорил монарх, сладко улыбаясь, — ты заслужил высочайшей милости, и мой добрый Мерильдо согласился отдать тебе в жены свою любимую дочь...

— В жены?! — невольно вырвалось у Конана. — Да я...

Он хотел сказать, что он лучше пойдет в темницу, чем женится на этой взбалмошной и сумасбродной девице, что воля ему дороже всего, что ни одна красотка не заменит ему свободы, что... Но король не дал ему сказать ни слова и тем самым спас жизнь нахальному юнцу.

— Я понимаю тебя, — важно кивнул повелитель Зингары. — Ты не ожидал от нас такой щедрости. Не надо благодарить. Ты достоин такой награды.

На счастье Конана, его растерянность все восприняли совершенно неправильно. Решив, что юноша потерял голову от счастья, король милостливо позволил ему удалиться, чтобы в одиночестве прийти в себя и осмыслить случившееся.

— Завтра же состоится ваша свадьба, — на прощание сказал он. — А вечером я сам устрою пир в честь молодых.

Не чуя под собой ног, киммериец вернулся в свои покои. «Нергал вам в печень, — думал он, меряя комнату шагами. — Надо же так вляпаться! Вот уж награда так награда. Лучше бы эту стерву Гекмон угробил. Будь проклят тот день, когда я взялся за это гиблое дело. Да ведь мне и в голову не приходило, что вместо денег мне подсунут девушку. И еще какую! Что делать? Отказать — так голову открутят и глазом не моргнут. Согласиться... Согласиться?!» Он еще долго ходил по комнате от стены к стене, пока вдруг не остановился и радостная улыбка не озарила его лицо. Теперь он знал, что будет делать.

...Поздней ночью, в самый глухой ее час, когда даже самые бдительные стражи не в силах бороться с дремотой, на стене, окружавшей королевский дворец, показался молодой человек. Он быстро посмотрел по сторонам, удовлетворенно кивнул, поправил на плече большой узел, проверяя, не звякнет ли в нем что-нибудь, бесшумно спрыгнул на землю и через пару мгновений растворился в темноте. Город спал, и никому не было дела до одинокого путника, решительно направлявшегося в сторону Клоаки...